

ВОЗВРАЩАЯСЬ К НАПЕЧАТАННОМУ

«КАК У ВЗРОСЛЫХ, ТОЛЬКО...»

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Уважаемые товарищи! В № 86 вашей газеты от 18 июля 1987 г. была опубликована статья Н. Каминской и А. Соколянского «Как у взрослых, только...», касающаяся деятельности Московского театра юного зрителя, актерами которого мы являемся. Она вызвала у нас немедленное желание обратиться к вам за разъяснениями.

Если авторы статьи, публикуемой в столь авторитетном и популярном органе печати, взялись «...помнить уже исчерпанный временем театральный конфликт, являющий собой ситуацию, типическую для нашего театрального «сегодня»...», мы были вправе ждать от них объективного анализа тех проблем, которые для нас являются насущными. Тон статьи, тенденциозность приводимых в ней соображений, субъективность в интерпретации упоминаемых событий для нас оскорбительны.

Авторы ошиблись, полагая, что Мтюз, переболев «...вялотекущей, грозящей перейти в хроническую...» болезнью, настолько одержим желанием сохранить свои амбиции, что окончательно потерял самоуважение.

Нас удивила пренебрежительность авторов к предмету своего исследования. Хотелось бы знать, кого конкретно они имели в виду, утверждая — «Среди тех, кто сплотился вокруг потенциального главного режиссера, порядком оказалось людей, просто пошедших, куда ветер дует...». В числе носимых ветром безоговорочных и последовательных сторонников назначения Г. Н. Яновской, и. о. главного режиссера театра, — народная артистка СССР Л. Н. Князева, народный артист РСФСР В. К. Горелов, девять (из двенадцати работающих в театре) заслуженных артистов республики. Для очевидного большинства труппы вопрос «...а почему мы должны беспрекословно подчиняться!...», правомочный с точки зрения Каминской и Соколянского, вообще не стоял. Откуда уверенность, что «Режиссеру... пришлось с дипломатической изворотливостью искать поддержку и нащупывать точки опоры внутри коллектива»? Наконец, какие «...ее не в меру ретивые сторонники загодя вымогают подписи под бумагой, требующей немедленного назначения тов. Г. Н. Яновской на пост главного?» И по какому моральному праву авторы делятся с миллионной аудиторией «Советской культуры» надеждой, что «...Яновская действительно не знала...» об этой акции? Мы читаем: «Сплетни, оскорбления — говорить обо всем этом подробно и конкретно просто не хочется» и абсолютно солидарны с Каминской и Соколянским — не хочется, но если уж они делают достоянием широкой общественности ситуацию, сложившуюся в театре, пусть называют вещи своими именами. В ином случае флер недосказанности, полупамятков, большей, чем опубликованная, осведомленности вызывает у нас сомнения в искренности желания авторов статьи помочь театру выйти из сложного положения. Не очень понятно, какими источниками информации они пользовались. И если бы авторы поинтересовались протоколом (совсем не секретным) заседания худсовета театра, принимавшего спектакль режиссера «оппозиционера», возможно, у них отпали бы сомнения в том, что действительно творческие соображения помешали большинству членов худсовета проголосовать «за». Там же, кстати, запротоколированы выступ-

ления Вульфа, Седых, Дмитриевского, которых авторы статьи, надеемся, поберегут от упреков в «крайностях взнерленного инфантильного сознания». А уверенное заявление «Да, Яновская в детском театре никогда не работала...» (о деятельности Генриетты Наумовны в Красноярском театре юного зрителя хорошо известно не только специалистам по тюзам) выглядит не просто неопозволительной профессиональной небрежностью, но сознательным искажением действительного положения вещей. Закономерен вопрос: кому это нужно? Кто же действительно «...разжигает страсти, провоцирует конфликты, спекулирует на низменном, на недостойном!».

«Самых главных не бывает, они живы и опасны в своей массе. Они работают на два фронта, они есть на всех фронтах. Там, где нечисто, они заводятся сами собой...» — хотелось бы понять, что же конкретно имелось в виду авторами статьи, когда они так обнаружили виновников всех зол. Почему бы им не поделиться своим знанием? С кем именно должна распрощаться Г. Н. Яновская, «...удерживая талантливых и порядочных людей...», и с кем не должна? Кто «... в разгаре баталий решил: цель оправдывает средства!» И как сочетать авторскую, нами разделяемую, щепетильность со следующим в статье чуть дальше предложением выйти из «битвы» «...как угодно, лишь бы дело того стоило!»

Статья вообще щедрна на советы. «Получив для себя и «своих» актеров право целеустремленно строить молодежный театр...», Яновская получила от авторов статьи и целый ряд почти ультимативных рекомендаций, как именно ей его строить — «С очередным режиссером, с приглашенными постановщиками, в порядке самостоятельных работ...» Даже «разномыслие пусть будет, но...» «Как у взрослых, только...»

Может быть, не совсем впрямую Н. Каминская и А. Соколянский оговаривать эти «но» и «только»? Неужели «так трудно задать себе элементарный вопрос: насколько сами готовы к тому, чтобы требованиям новой жизни соответствовать?» И справедливое замечание о том, что «В Мтюзе общественные организации в критический для коллектива момент использовали свои полномочия в целях, далеких от пользы дела», в не меньшей степени применимо с нашей точки зрения и к авторам статьи. Нашему театру, безусловно, нужна помощь, но помощь деликатная и заинтересованная. К величайшему сожалению, ни того, ни другого мы в статье не обнаружили.

Не вызовет ли она новых осложнений в Московском тюзэ и в многочисленных театрах, находящихся в схожей с нашей ситуации?

Это особенно важно знать сейчас, «когда в театре больше упований, чем достижений, больше проб, чем результатов, а больше всего конфликтов и взаимных обид».

Благодарим за внимание и рассчитываем, что наши вопросы не останутся без ответа.

С уважением

В. ДОЛГОРУКОВ, заслуженный артист РСФСР;
Н. МИХЕЕВ, заслуженный артист РСФСР;
Н. ПОДЪЯПОЛЬСКАЯ, заслуженная артистка РСФСР; **Л. ГАРНИЦА**, артистка; **А. ВДОВИН**, артист; **А. ЖУКОВ**, артист.

ПИСЬМО ИЗ РЕДАКЦИИ

Это письмо не было для нас неожиданностью. В статье рассматривалась болезненная ситуация, и реакции следовало ждать тоже болезненной. От нашей статьи, видимо, прежде всего ждали ответа на вопрос: кого поддержат? Кого обявят правым, кого — виноватым? Шестерых артистов Тюза раздосадовала попытка понять обе стороны конфликта и обеим же сторонам напомнить, что творческий спор предполагает борьбу только творческими средствами.

Почему в редакцию пришло одно письмо, а не два — тоже понятно. Это письмо не только «безоговорочных и последовательных сторонников» Генриетты Яновской, это — письмо тех, на чьей стороне сейчас успех. Письмо победителей — ведь спектакль «Собачье сердце» — безусловная и заслуженная победа.

Известно, что спор плодотворен лишь тогда, когда у спорящих есть точки соприкосновения. Поэтому выясним для начала, с чем авторы письма не спорят.

Не спорят с высокой оценкой спектакля «Собачье сердце» и, в частности, своих работ в спектакле. Не спорят, что конфликт был, и был тяжел. Не оспаривают тех упреков, что сделаны по чужим адресам — по адресу управления культуры Мосгорисполкома, общественных организаций театра, группы «противников» Г. Яновской, совершивших ряд неосмысленных и неэтичных поступков. И подтверждений не требуют — тут для них все ясно и бесспорно.

Наше нежелание перечислять скверные подробности конфликта замечено, поощрено, но тут же и сброшено со счетов. Даже и сыронизировано насчет «большей, чем опубликованная, осведомленности». Каемся: действительно, знаем больше, чем сказали. Но обдуманно не предъявив поименных обвинений в дни, когда писалась статья, не сделаем этого и сейчас, в минуту обиды. Гласность гласностью, но ведь стыд тоже надо иметь.

Есть такая детская игра — «жучок». Водящий стоит, зажмурившись, а остальные хлопают его сзади. Не угадал, кто стукнул, — получи снова. Похоже, что артисты Тюза решили сыграть с нами в «жучка» — ох и вмажут они нам, когда мы обознаемся!

Впрочем, мы избегали называть известные нам имена и события не только из боязни обознаться и преувеличенной щепетильности. Сама задача была иная. В нее входило почувствовать удары, рассылаемые во все стороны враждующими тюзовцами, а не устанавливать связь конкретного кулака с конкретным синяком.

Кто организовывал письмо с требованием назначить Яновскую главным режиссером, как собирались подписи, как там оказались фамилии людей, днями спустя подписавших письмо «против Яновской», мы знаем. Копии этих писем вместе с другими документами, касающимися «тюзовских событий», лежат в редакции. А вы — неужели забыли?

Верой в то, что об этой «акции» действительно не знала Генриетта Яновская, талант которой вызывает у нас глубокое уважение, мы делимся с читателями газеты на том простом основании, что действительно в это верим. И все.

Думать, что тюзовцы разделились на сторонников и противников «и. о. главного» исключительно по причинам идеологическим, было бы наивно. Забота о собственном благополучии роль свою сыграла, и вряд ли авторы письма этого не понимают.

Они также понимают, что упрекнуть кого-либо конкретно в конъюнктурности выбора сразу же после того, как выбор сделан, и тут же доказать это — вещь почти невозможная. Время докажет. Прямить фразу «среди тех, кто сплотился вокруг...» и т. д. на себя — дело совести каждого. Но в письме этот упрек впрямую переадресован людям, которым он заведомо адресован не был.

Людям, чья творческая честность не вызывает сомнений, — Л. Князевой и В. Горелову. Это называется передергиванием. Некрасиво.

Единственное, в чем мы должны безоговорочно повиниться, — это досаднейшая ошибка, искажающая смысл важной фразы в статье. Накануне выпуска в запале саморедактирования, желая сказать, что Яновская никогда ни в детском, ни во «взрослом» театре не работала главным режиссером, сказали: «Да, Яновская в детском театре никогда не работала». Мы приносим извинения Генриетте Наумовне, тем более что знаем о ее работе в Красноярском тюзэ много хорошего.

И, наконец, последнее: разбросанные по письму обвинения в тенденциозности, субъективности, неделикатности венчаются вопросом: «Не вызовет ли она (статья) новых осложнений в Московском тюзэ?»

Отвечаем: это зависит от того, как непримиренные творческие работники Тюза, в том числе и вы, уважаемые авторы письма, будут отстаивать свои творческие позиции.

Если бы ситуация в Московском тюзэ могла разрешиться так, что творческий коллектив пришел бы к воссоединению — не насильственному, а органическому, — это было бы огромной радостью. Но на сегодня (если положение не изменилось с конца прошлого сезона) в театре не одна труппа, а две группы артистов. Одни — их большинство, — верящие Генриетте Яновской и уже пожавшие вместе с ней первый триумф, увлечены созданием театра для молодежи. Другие, среди которых значительная часть одаренной и работоспособной молодежи театра, хотят и могут работать для детей. Просят они только одного — хотя бы относительной творческой самостоятельности. Несмотря на то, что и эта группа, разумеется, неоднородна, несмотря на то, что в конфликтной ситуации члены этой группы совершили крайне неприглядные поступки (кто и какие — опять же лучше знать авторам письма), они, по нашему мнению, имеют право реализовать себя либо продемонстрировать несостоятельность своих претензий на сцене Тюза. Заметим, что необходимость сочетать в работе Тюза «молодежные» и «детские» постановки авторами письма не отрицается. Заметим также, что, превратив пожелание найти режиссера, способного увлечь «тех, кому дороже и ближе задачи детского театра» (приглашенного, очередного и т. д.), в «ультимативную рекомендацию» Г. Яновской, авторы письма доказали, что статью они прочли невнимательно.

В нашем театре (и не только в театре) практически нет опыта мирного сосуществования людей, принципиально друг с другом несогласных. Если две группы Тюза останутся под одной крышей — им предстоит долго и трудно учиться взаимной терпимости. Урок может быть тяжел, но эксперимент «корректного соперничества» мог бы дать плоды не менее важные, чем тот большой театральный эксперимент, участником которого Мтюз не является. Такой моральный опыт дорог и важен сегодняшнему театру — но и это не следует понимать, как наш «совет» Тюзэ.

Единственный совет, на котором мы настаиваем, — илти, если хотите, не совет, а заклинание, — содержится в фразе, которая в письме приведена не полностью: «Разномыслие пусть будет, но...». Полностью она звучит так: «Пусть не будет полного единомыслия, но так: разномыслие будет уважительным и достойным».

Хотелось бы, чтобы этот совет оказался исполнимым. Хотелось бы, чтобы достигнуты в театре были больше, чем упований, результатов не меньше, чем проб, а взаимных обид — как можно меньше. Желаем вам этого искренне.

С уважением

Н. КАМИНСКАЯ,
А. СОКОЛЯНСКИЙ.